

М. Л. ШУБ

Челябинская государственная академия культуры и искусств

СИЛА ВРЕМЕНИ: К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОТИПОЛОГИЙ КУЛЬТУРЫ

Типологизация является универсальным методом познания, в том числе и в контексте изучения философской, культурологической и исторической проблематики. В статье обосновывается значимость восприятия времени как основания для выделения различных историко-культурных типов, вводится авторское понятие хронотипологии культур, а также приводятся различные типологии культуры диахронного и синхронного вариантов. Особое внимание в концепте хронотипологий уделяется феномену прошлого в различных аспектах – его восприятию самого по себе, отношению к нему в сравнении с иными модусами времени (настоящим и будущим), месту прошлого (традиции, обряда) в системе ценностей той или иной историко-культурной общности.

Ключевые слова: время, прошлое, типология, культура, хронотипология.

M. L. SHUB

TIME FORCE: TO THE PROBLEM OF CHRONOTIPOLOGY OF CULTURE

Typologization is a universal method of knowledge, including the context of studying of philosophical, culturological and historical perspective. The importance of perception of time as the basis for allocation of various historical and cultural types is justified in the article. The author's concept of a chronotypology of cultures is entered, and also various typologies of culture with diachronic and synchronous options are presented. Special attention in the concept of chronotypology is paid to the phenomenon of the past in various aspects – its perception in itself, the attitude towards it in comparison with other modes of time (present and future), the place of the past (traditions, ceremonies) in the system of values of this or that historical and cultural community.

Keywords: time, past, typology, culture, chronotypology.

Историческое сознание ещё со структуризации и типологизации. времён древних римлян стремилось к Современная культурологическая наука, продолжая эту традицию, выра-

ботала немало подходов к выделению различных историко-культурных типов на самых разнообразных основаниях: от религиозных и ментальных до экономических и политических. Мы же полагаем, что в качестве такого основания можно использовать и категорию времени, взятого в его субъективной аспектации (в широком смысле – отношение ко времени).

Специфика восприятия времени, являющегося составляющей картины мира человека любой социальной и исторической общности, во многом определяет его ментальное и поведенческое поля, влияет на содержание ценностного пространства, проявляется в самых разных сферах человеческого бытия (от праздничной культуры до художественного творчества). В целом осознание времени, степень его сакрализации, векторы направленности, структура – всё это «просвечивает» в каждом акте существования той или иной культуры.

Отличительной чертой времени как типологизирующей категории является то, что оно (в отличии, скажем, от экономического уклада или форм хранения информации) относится не к внешним, экстериторным параметрам культуры, а к её внутреннему, интериорному, ментальному пространству. Долгое время именно ментальное поле культуры находилось сначала вообще за пределами, а потом лишь на периферии интересов учёных-гуманитаристов. Но историки школы Анналов, прежде всего, М. Блок, реабилитировали сами феномены ментальности, картины мира, ценностной среды как принципиально значимых для постижения сущности культуры, для осмысления причинных оснований её бытия.

Так, один из советских последователей указанной Школы, специалист по средневековой культуре А.Я. Гуревич писал о феномене времени: «Мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность, как понимание времени. В нем воплощается, с ним связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам. Достаточно сопоставить циклическое восприятие времени, доминировавшее у народов древнего Востока и в античности, с финалистской концепцией движения мира от сотворения его к концу, к слиянию времени с вечностью в средние века, для того чтобы стало ясным коренное различие в жизненной ориентации культуры древности и культуры средневекового христианства»¹.

Трудность использования феномена времени как основания для составления типологии заключается именно в его субъективно-данной природе. Отношение к нему не закреплено в формате некоего манифеста и архива артефактов, оно разлито и размыто в культуре: в содержании бытового поведения, обрядовой деятельности, исторического повествования, религиозных представлений, искусства. Но тем интереснее поиск этих «следов» уникального восприятия времени представителями той или иной историко-культурной группы.

Таким образом, мы предлагаем ввести понятие «хронотипологии культуры», под которыми мы понимаем типологические построения, позволяющие выделить культурные

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. 482 с. – С.103.

типы на основании специфического отношения ко времени в каждом из них. Стоит сразу оговориться, что не в каждой из найденных нами хронотипологий время представляется как типологизирующая структура в чистом виде. Однако в каждой из них отношение ко времени или его отдельным модусам так или иначе позиционируется как источник социокультурных различий.

Мы хотели бы предложить собственное видение того, как время и его восприятие может быть использовано в качестве основания для историко-культурной типологизации.

Первое основание: структура времени (внеструктурное, циклическое, линейное, линейно-циклическое, хаотическое). В соответствии с данным критерием мы выделили культуры хроно-аструктурные (архаичные общества), хронолинейные (культуры эпохи древних цивилизаций), хроноциклические (античная культура), хронолинейно-циклические (средневековая культура) и хронохаотические (современная культура).

Второе основание: характер и ориентация времени (сакрализация, актуализация или принятие прошлого/настоящего/будущего). В рамках подобной структуризации можно различать, например, культуру сакрализации прошлого и принятия настоящего (эпоха архаики), актуализации настоящего и принятия прошлого и будущего (культура Возрождения) и др.

Третье основание: субъективное ощущение длительности времени (вечность/мгновение). Этот критерий позволяет выделить следующие типы: «культура вечности» (культура Средних веков), «культура мгнове-

ния в вечности» (культура эпохи Возрождения), «культура мгновения» (культура второй половины XIX- начала XX вв.) и др.

Ниже мы представим краткий обзор уже существующих хронотипологий культуры. Стоит отметить, что не во всех из них время выступает в качестве типологического основания в «чистом» виде. Некоторые из них оперируют близкими по смыслу категориями: традиция, опыт, прогресс и пр.

Для удобства анализа все хронотипологии культуры мы разделили на две группы. Первую мы назвали диахронной, поскольку типологии данного формата презентуют различные историко-культурные типы в их последовательном эволюционном существовании – от наиболее древних до современных.

Вторую мы условно обозначили синхронной – в её рамках рассматриваются различные типы культуры, существование которых не подразумевает жёсткой хронологической последовательности (они могут существовать параллельно в одном историческом пространстве).

Диахронные хронотипологии культуры

Одна из самых, пожалуй, известных типологий подобного рода была разработана известным американским антропологом М. Мид и описана в её работе «Культура и мир детства»². В ней исследователь выделяет три типа культур (постфигуративные, кофигуративные и префигуративные), отличающихся друг от дру-

² Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1983. 412 с.

га, по сути, отношением к различным модусам времени – прошлому, настоящему и будущему. Безусловно, сводить их специфику исключительно к данному аспекту было бы ошибочно – суть указанных типов культур значительно более сложна и многослойна. Однако базовое отличие их друг от друга, раскрываемое при этом в самых разнообразных социальных и культурных проявлениях, заключается именно в различном отношении к прошлому, настоящему и будущему.

В рамках постфигуративной культуры изменения (неизбежно случающиеся) происходят так медленно и настолько слабо определяют общий облик культуры, что разница (в образе мыслей, видах деятельности и пр.) между поколениями не просто не приветствуется в силу высокого ценностного статуса традиции, но даже и не осознаётся. Такая тождественность одного поколения другому формировала даже не столько культ прошлого, сколько вообще вневременной характер бытия, в основе которого лежало вечное и неизменное воспроизведение признанных значимых норм и то, что Мирче Элиаде назвал «феноменом вечного повторения».

Второй тип культуры, кофигуративный, отличается тем, что в нём преобладающей моделью поведения для людей, принадлежащих к данному обществу, оказывается поведение их современников. В отличие от постфигуративной культуры модели бытия каждого нового поколения пусть и не принципиально, но всё-таки отличаются от предыдущего, таким образом, замещая ориентацию на прошлое концентрацией на настоящем.

Что касается префигуративной

культуры (по сути современной культуры), то о ней М. Мид пишет чрезвычайно мало. Ясным остаётся лишь то, что в рамках префигурации основной акцент в картине мира делается на будущем, межпоколенный разрыв усиливается, а система ценностей консолидируется вокруг идей прогресса и развития.

Таким образом, предложенная М. Мид хронотипология культур, в основе которой лежат различные аксиологические статусы модусов времени (прошлого, настоящего и будущего), акцентирует наше внимание, прежде всего, на том, что для каждого из трёх типов культуры (постфигуративной, кофигуративной и префигуративной) характерны собственные, специфические модели преемственности, способы воспитания, трансляции исторического опыта, социализации и инкультурации. Акцент, как мы видим, в данном случае делается именно на социально-психологических результатах доминирования в культуре того или иного «хроно-ориентира» в качестве наиболее значимого.

Ещё одним примером диахронных хронотипологий культуры можно назвать типологию, предложенную Я. Ассманом в работе «Культура памяти». Он разделил весь историко-культурный процесс на два этапа, в каждом из которых доминировал тот или иной тип культуры – эпоху помнящих и эпоху письменных культур³. Хотя в данном случае привязка к феномену времени указанных типов культур не является очевидной, при более детальном знакомстве с содержанием работы, она всё же прояв-

³ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность высоких культур древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 462 с. – С.153.

ляется. Так, анализируя «помнящую культуру», исследователь связывает её, прежде всего, с обрядом как базовым носителем культурной памяти. Последняя, всегда адресованная к группе, к общности, выполняет функции социальных обязательств и декларирует главную стратегию развития культур данного типа – «помнить прошлое». В некотором смысле «помнящий» тип культуры близок постфигуративной культуре М. Мид и «холодному обществу» К. Леви-Стросса, о котором речь пойдёт ниже.

Второй тип культуры – «письменная культура» – характеризуется заменой обрядовой когерентности текстовой. В письменных культурах также сохраняются элементы культур «помнящих», сохраняются в них и элементы обрядовой, праздничной деятельности. Однако изменяется характер прошлого: оно из сферы правремени, находящегося от точки настоящего в неизменном удалении, перемещается в историческое прошлое, более подвижное и «живое» по отношению к актуальному бытию группы.

Таким образом, два типа культур по Я. Ассману принципиально отличаются друг от друга, во-первых, содержанием представлений о прошлом (мифологическое пра-прошлое и историческое прошлое), а, во-вторых, – типом хранения этого прошлого (обряды и тексты).

Приведём ещё один пример хронотипологии, предложенной уже российским культурологом М. С. Каганом. Исследователь выделяет три типа культур – традиционный, креа-

тивный и футуристический⁴.

Первый из них, существование которого определяется автором от архаичной эпохи до времени итальянского Ренессанса, являет собой пример ценностного приоритета прошлого над остальными модусами времени. В некотором смысле нам придётся повторять характеристику данного типа культуры, поскольку она во многом схожа с постфигуративной, «холодной» культурами, а также культурой памяти. Однако отметим, что согласно позиции М. С. Кагана, традиционная культура в целом снимает проблему времени как такового, утверждая неизменность культурных устоев, которые сложились в прошлом и освещены мифом – оттого прошлое не подлежит никакой трансформации, оно должно длиться вечно. При этом основным регулятором поведения людей является обычай (а в искусстве – канон). При этом, как полагает автор, «экстраполяция прошлого на настоящее и будущее ограничивалась земной жизнью человека – после её завершения ожидалось «вечное будущее» загробной жизни».

Что касается креативного типа культуры (эпоха итальянского Ренессанса – XIX в.), то он характеризуется предельной аксиологизацией настоящего, которое «вышло из подчинения прошлому, радикально обновляя все формы жизни. Высший смысл бытия заключался в принципе «жизнь здесь и сейчас»⁵.

Футуристический тип культуры – это, по сути, тип культуры, в котором существуем мы. Как любое современ-

⁴ Каган М. С. Пространство и время как культурологические категории // Вестник СПб ун-та. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право. 1993. Вып. 4. С. 31-42. – С.34.

⁵ Там же.

ное глазу исследователя образование, оно наименее изучено и наименее понятно. Главное же, что М. С. Каган выделяет в качестве базовой характеристики данного типа – это устремлённость в будущее, желание сделать его более предсказуемым и устойчивым.

При этом каждому типу культуры был свойствен свой собственный, адекватный господствующему типу отношения ко времени, доминантный психический механизм. В традиционной культуре – запоминание и передача приобретённого опыта, в креативной – созерцание, реализация чувственного контакта с миром (особенно зрительного), для футуристического – воображение, фантазирование, конструирование⁶.

Синхронные хронотипологии культуры

Данная группа типологий представлена значительно меньшим количеством авторских концепций. В качестве примера приведём лишь две из них – Ф. Артога и К. Леви-Стросса.

Выделенные Ф. Артогом историко-культурные типы (или «режимы историчности») являются промежуточными между синхронными и диахронными, поскольку, по словам самого Ф. Артога, могут и последовательно существовать в мировом историческом процессе, сменяя друга, и одновременно присутствовать в нём⁷.

Итак, учёный выделил три режима историчности: пассивизм, презентизм

и футуризм. Данные режимы по существу чрезвычайно близки к трём типам культур, предложенным М. С. Каганом, поэтому давать детальную характеристику каждого из них мы не будем.

Ещё одна типология связана с именем выдающегося антрополога К. Леви-Стросса, который представил её в тексте работы «Первобытное мышление»⁸. По большому счёту автор лишь упомянул два возможных типа культуры, выделяемые им на основании двух различных форм отношения к новациям и изменениям (и соответственно – традициям, социальной стабильности) – «холодной» и «горячей». Интересно, что учёный, указывая на признаки эволюционной смены одной культуры («холодной») другой («горячей»), особо отмечает присутствие следов первой во второй и, по сути, – на сосуществование их в актуальном историческом времени. Именно поэтому мы отнесли данную хронотипологию ко второй группе.

По поводу «холодных культур» (или, что то же самое – холодных обществ) исследователь писал, что они «стремятся, благодаря институтам, к которым они привязаны, аннулировать, квазиавтоматически, то действие, что могли бы оказать на их равновесие и непрерывность исторические факторы»⁹. Горячие же общества, напротив, «решительно интериоризуют историческое становление, чтобы сделать из него двигатель своего развития»¹⁰. Цель «холодных» обществ, по мнению, К. Леви-Стросса, – «сделать так, чтобы порядок временной последовательности влиял

⁶ Там же. С.36.

⁷ Артог Ф. Время и история: «Как писать историю Франции?»// «Анналы» на рубеже веков: Антология / Сост. А.Я. Гуревич, С.И. Лучицкая; пер. с фр.– М.: «XXI век – согласие», 2002. – С. 152-172. – С.152.

⁸ Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.

⁹ Там же. С.231.

¹⁰ Там же. С.238.

настолько мало, насколько это возможно, на их содержание»¹¹.

Ассман Я., о котором мы говорили выше, писал о «холодных культурах»: «Они словно бы отыскиали и сохранили особую мудрость, побуждающую их отчаянно сопротивляться любому изменению их структуры, которое сделало бы возможным вторжение истории»¹². При этом, по мнению Я. Ассмана, «холод» не является исходным состоянием культуры, а нуждается в осознании форм и причин «заморозки» своих изменений. «Холодные культуры», по мнению исследователя, живут не в тотальном забвении того, что помнят «горячие культуры», а просто существуют в пространстве иной памяти, препятствующей вторжению истории¹³.

Итак, как мы видим, учёные (историки, культурологи, антропологи) уделяли большое внимание феномену времени как основанию культурной типологизации. Мы предлагаем, во-первых, объединить подобные типологии под наименованием «хронотипологий», а, во-вторых, - интерпретировать специфику восприятия времени представителями различных человеческих сообществ как важный культурно-дефинирующий маркер. Кроме того, нам представляется перспективным подобное осмысление не только времени как такового, но и его отдельных модусов, в частности прошлого (past-типологии). Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отметим лишь, что восприятие времени в целом суще-

ственно отличается от восприятия его модусных аспектов, а потому каждая из них также обладает типологическими потенциями.

У каждого исторического этапа существует так называемый «временной режим культуры» (термин А. Ассмана) – некая своеобразная темпоральная ориентация, «укорененная в культуре и обеспечивающая основу для возникновения безусловных ценностей, схем мышления и логики поступков»¹⁴.

Такой режим подразумевает не только специфику внутреннего ощущения времени, но и осознание инаковости подобного рода ощущения представителями других культур.

Современный человек, по образному замечанию М. С. Кагана, – «топящийся человек», его сознание определяется отношением ко времени, которое в конечном итоге его и поработает¹⁵. Недаром же на всемирном конгрессе учёных в области социальной психологии главными социальными проблемами современного человека были названы проблемы дефицита качественного общения и дефицит времени в его, конечно, субъективном восприятии. На настоящий момент сложился своего рода «культ времени». Само соперничество между социальными системами понимается теперь как соревнование во времени: кто выиграет в темпах развития, на кого «работает» время? Циферблат со спешащей секундной стрелкой вполне мог бы стать симво-

¹¹ Там же. С.239.

¹² Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 462 с. – С.72.

¹³ Там же.

¹⁴ Ассман А. Трансформации нового режима времени // «НЛО». Независимый филологический журнал. – 2012. – № 116. – URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4.html#_ftnref7 (дата обращения 01.04.2013).

¹⁵ Каган М. С. Пространство и время как культурологические категории // Вестник СПб ун-та. – Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право. 1993. Вып. 4. С. 31-42. – С.33.

лом нашей цивилизации.

Вероятно, во многом именно специфичность современного ощущения времени, его столь значительная роль в актуальной культуре, трансформирующие процессы, имеющие место быть в структуре его восприятия и

определят дальнейший интерес к нему со стороны исследователей-гуманитариев, в том числе культурологов, и будут способствовать дальнейшей разработке проблемы, связанной с хронотипологиями культуры.